

Евгения Козачок

ТАМ, ГДЕ МЕНЯ НЕТ

Запоздалая месть

Что же сегодня за утро такое? Почему так обострились одиночество, тревожность? Может, у детей какие-то проблемы? Звонить не стала. Зачем лишний раз беспокоить. Приедут, сами расскажут. Хорошо хоть внуки делятся со мной своими переживаниями, радостью, успехами. Они счастливы, и мне прекрасно. Отдыхаю душой, умиротворяюсь. Дети все устроены. Ради этого приходилось кроме основной работы подрабатывать: шить, и подменной в почтовом отделении служить. Спать всегда хотелось до онемения. Выдержала.

В 75 лет — отдых и хобби. А детки, слава Богу, окончили университеты, институты. Работой довольны. У них и своя ребятня подрастает.

А только у старшей дочери Ольги, нет детей. С мужем живут ладненько, в согласии, доброте и понимании. По сорок лет уже, а детей нет.

Оля, в детстве была молчаливая. В разговоры-рассказы не бросалась. Спросишь: «Может что болит?»

— Нет.

— Пойди, поиграй. К подругам сходи.

— Не хочу.

Да и подруг близких не было. А с мальчишками вообще отказывалась разговаривать. И только на последнем курсе Университета вышла замуж за Антона

Когда отца не стало, дети наперебой зовут к себе жить. В гостях бываю, а навсегда не могу. Укоренилась, как старое дерево, ни пересадить, ни выкорчевать. Умрет.

Да и подружки еще не все ушли в мир иной. Без них никак, это же источник памяти и оплот дружбы.

С Екатериной и в магазин, и в пенсионный сходили. Почаевничали. Обменялись поселковой информацией, и разошлись до вечерней встречи у телевизора.

А телевизор-то ни в нынешний вечер, ни через полгода так и не пришлось посмотреть.

Вспомнила, что обещала женщине из соседнего дома отдать вещи дочерей. Взобралась по лестнице к антресоли, чтобы снять картонные коробки с одеждой. Передвигая их, услышала, как что-то упало. Это была коробка от детских сандалий. Открыв, увидела толстый, узкий блокнот — дневник Оли, о существовании которого не только не знала, но и предположить не могла, что кто-то из моих детей ведет дневник.

Не знала до этого дня, не знать бы о нем до конца дней моих. Его содержание было шокирующим!!!

Сказать, что я онемела, значить ничего не сказать. У меня каждый атом каждой клеточки организма прекратил движение. Бренное мое тело не двигалось, не мыслило, не существовало. Буквы сливались, строчки расползались, портрет молодого мужчины, нарисованный Олей, виделся в тумане. Все, о чем читала до и после этой страницы, в один миг стерлось из памяти. Извилины мозга распрямились и остались без информации. Только одна закрутилась в жесткую, болезненную, раскаленную спираль, превратив мою голову в расплавленную вулканическую магму. Словесное эхо стучало в виски:

«Мама, сегодня меня не станет. Я не могу больше жить, дышать, ходить. Я просто не могу видеть людей, слышать их голоса, видеть улыбки, чье то счастье. Мамочка, родная, меня изнасиловал мужчина. Купив хлеб, шла мимо соседнего дома. На скамейке сидел мужчина. Было еще светло, и я, не боясь, прошла мимо. Вдруг почувствовала удар по голове, кто-то закрыл рот рукой и потащил в подвал. Пыталась вырваться, кричать, но он пьяный с вытаращенными глазами шипел мне: «Замолчи, а то убью». И натягивал мне на голову платье. Вероятно, потеряла сознание, потому что дальше

ничего не помню. Ощутила боль, холод, ног и рук не чувствовала, будто это не я. В подвале сыро, грязно, мерзко. И на сердце также мерзко, только во стократ гаже. В подвале темно, на улице немного светлее. Дома никто не заметил, в какое время я пришла домой потому, что сразу же направилась в ванную. Я страдала, но никто этого не видел. По ночам плакала, но никто не слышал и не догадывался, почему плачу и где мое новое платье. А его, изорванное и грязное, пришлось выбросить. Сердце сжалось в комочек, а душа (я теперь знаю где она) так болела, что сил не было противостоять ей. Меня только спросили:

«Почему грустная?», и ушли по своим комнатам спать. А я боялась рассказать кому-либо из вас об этом ужасе. Не знала, что делать в таких случаях.

В школе не была несколько дней, ссылаясь на головную боль. Не могла я быть там. Ведь все равно ничего не слышала, не видела, не понимала. Была только одна мысль: «Найти, убить. И самой не жить!» Даже носила с собой нож, самый маленький из набора. Но нигде его не видела. И все-таки он появился. Стоял с парнями около магазина и хвастался, что прекрасно устроился на работу в Симферополе на приборостроительный завод, что у него все хорошо. Боялась, что узнает. Не узнал. Жаль, что был не один, подошла бы и ударила. Но я

ведь маленькая, не смогла. Запомнила лицо. Дома нарисовала.

Мамочка, как ты могла не заметить, что мне плохо, что я изменилась? Мне страшно, больно, стыдно, а ты ничего не видела! Мамочка, родная моя, умоляю, найди этого Славку и плюнь ему в лицо. Ты ведь тоже не сможешь его победить. Найдешь по портрету.

Сестричка и братики простите и вы меня, что не поделилась с вами своей бедой. Пожалуйста, никому ничего не рассказывайте обо мне. Оля».

Дату и год не указала. Да они и без надобности. Я четко вспомнила крик Ани ночью: «Мама, Оля не дышит!» Скорая помощь, реанимация, психолог и три месяца летних каникул невыхода Оли из дома.

Ну, почему врачи мне ничего не сказали? Тоже не знали? Они ограничились объяснением: «Переходной возраст, депрессия, все наладится».

Господи! Оля права. Как я могла не почувствовать, что моей кровинушке плохо, нестерпимо больно, морально унижительно, гадко, и то, что девочка моя потеряла веру в меня, своих близких. Пережила и простила (а может, и не простила) невнимание родных ей людей.

И что жизнь для нее оказалась страшнее смерти!

Какая же я после этого мать? Я не просто

плохая мать. Меня и матерью-то назвать невозможно.

Я поняла выражение: «Все делать на автомате». Мой «автомат» сработал целенаправленно: детям, не звонить, в поселке ничего не говорить, даже Екатерине.

Взяла первую попавшуюся летнюю одежду (конец апреля уже), и поехала в Симферополь. О том, где буду жить, как искать Славку, мысли не было. Знала только одно — я обязана найти его!

Ощущал ли кто течение времени, находясь на автомате? Я нет. Выходят с автобуса, и я за ними. Сумка в руке, значит не отпускала ее и в пути. Большую сумку — в камеру хранения, малую, с изображением Славки, с собой, к заводу.

Шла, чтобы найти, узнать, подойти и плюнуть в лицо. И при свидетелях. Убить, — глаза в глаза! Натянуть его свитер на физиономию и бить, бить ножом в сердце, прямо в сердце! А вдруг не попаду? Что если там пустота? Точно пусто. Надо бы пистолет — это проще. Раз, и все. Чтобы перед последним вздохом видел не свое счастливое детство, мамин поцелуй, новогодний праздник, а свою черную, паршивую жизнь, глаза моей доченьки, и слышал ее крик. Не свой, а ее крик, ее голос, ее маленькое, дрожащее от испуга, боли, отвращения, тело, счастливое, до встречи с ним, дитя.

Спросила у прохожих: «Далеко ли до завода?»
Оказалось три, четыре остановки. Дойду.
Необходимо время, концентрация, не отступать.

Один рисунок и нож, через кожу сумки, жгут бок. Мысль, казалось, вполне здравая, никому не показывать его портрет, ни у кого, ни о чем не спрашивать. Искать самой. Ожидать его появления.

Просидела на скамеечке с 11 до 17 часов. Голода не чувствовала. От жажды — вода в бутылке. Вышла первая смена. Вглядывалась в людской поток — искала иголку в стоге сена. Не нашла.

И так целый месяц: вокзал — в 7.00 завод, вокзал, — в 17.00 завод.

Конец второго месяца. Спать, есть, особо не хотелось. Достаточно было: «Шла через мосток, ухватила кленовый листок...» и далее по сказке. Зрение то ли улучшилось, то ли какая то внутренняя энергия осветляла, приближала лица проходящих мимо меня заводчан.

Многих узнавала по походке. Но ненавистного лица не было. На рисунок уже не смотрела. Он запекся в моих глазах так, как насекомое в янтаре. Если посмотреть в мои глаза, можно увидеть два миниатюрных портрета.

Уборщицы вокзала здоровались со мной. Дали адреса гостиниц, бани, магазинов. Но не только работники вокзала обратили внимание на меня. Две

мои сверстницы из дома напротив завода, вероятно, предположили, что я новая их соседка, четко следующая определенному режиму.

Сидели втроем, беседовали обо всем: картинах, птицах, море, цветах. О семьях не говорили. Детям звонила еженедельно: «Отдых в Крыму прелестный. Солнце греет, вода освежает, и ваша мама силы пополняет». Верили.

Разговор о цветах, факт узнавания моей персоны и денежный минимум привели в движение извилины мозга.

Чтобы не обращали внимания на старушку, ежедневно тупо смотрящую в одну точку — проходная завода, закупила для продажи цветы. Покупали. Раньше, около завода, вероятно, ими не торговали. Все было бы хорошо, если бы не появилась проблема, которую пришлось решить покупкой памперсов для взрослых.

Теперь я больше времени проводила около завода, но не задумывалась о том, почему я до сих пор его не увидела. Может он, за двадцать шесть лет изменился до неузнаваемости, в отпуске, или уехал из города. Это же надо было быть полнейшим «автоматом», чтобы эта мысль залетела, в мою воспаленную голову, через три с половиной месяца?!

И я поняла. Не спрашивая о нем — не найду. Портрет, немного, потерся. Сделала

ксерокопию. Вначале показывала его заводчанам покупающим у меня цветы. Потом всем, кто выходили из проходной завода объясняя, что ищу родственника, о котором знаю только то, что он работает или работал на этом

заводе.

Пятый месяц...

Наконец — то узнали.

Мужчина, выходящий со второй смены сказал: «Так это же Славка. Он давно не работает на заводе. Ничего о нем не знаю, работали в разных цехах и сменах. Вот Гришка может знать, где живет Славка, они работали в одной смене».

Обрадовалась, что, наконец — то найду этого ненавистного Славку и сделаю то, ради чего приехала.

Но через день мужчина сказал, что Григорий в отпуске. Уехал к детям в Россию и будет через две недели на работе. Отдала оставшиеся три букета своему информатору, поблагодарила. Решила перевести дыхание, вернее дышать в другом ритме. Позвонила детям, сказала, что живу у знакомых и у меня все хорошо.

Впервые увидела Черное море. Посетила музеи, прогулялась по паркам. Короче, новый дыхательный ритм, чуть ли не по Бутейко. Надышалась, насмотрелась, дождалась Григория.

Подходила к нему с возвратившимся в

прежнее русло дыханием, с бьющимся прямо в горле сердцем и мыслью: «Только бы Григорий не был другом этого не человека, иначе мне очень тяжело будет общаться с ним».

Ну, хоть в этом луч света — не друг, просто знакомый. Славку не видел несколько лет. Адрес знает, и даже порадовался, что его ищет родственница. Не спрашивала ничего о Славке. Мне необходим был только его адрес. Но Григорий сам рассказал, что Славка уже десять лет не работает, парализовало. Передвигается с помощью инвалидной коляски. И случилось это с ним после трагедии с его дочерью. Дочь изнасиловали и убили. Жена умерла через два года после смерти дочери. Сын в тюрьме, за воровство. Заводчане помогли Славке в организации похорон, добились о предоставлении ему социальной помощи и работника по уходу за ним и квартирой.

Благодарить Григория за помощь не было сил. Только головой кивала, как игрушка моих детей. Была у них такая собачка, если ее поставить на наклонной поверхности — зашагает вниз, и при этом двигаются голова и хвостик. Как живая. А я, наоборот, остолбенела от услышанного...

Дорога, с наклоном под девяносто градусов мне не помощник. Ноги и по наклонной не двигались. Провалилась в пропасть, в тартарары. Такого просто не может и не должно быть! Почти